

Розанов Василий Васильевич

**Семейный вопрос в России:
Дети и родители. Мужья и
жены. Развод и понятие
незаконнорожденности.
Холостой быт и проституция.
Женский труд. Закон и
религия**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

Василий Васильевич Р.

В19 Семейный вопрос в России: Дети и родители. Мужья и жены. Развод и понятие незаконнорожденности. Холостой быт и проституция. Женский труд. Закон и религия: Том 1 / Розанов Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 333 с.

ISBN 978-5-519-80987-0

ISBN 978-5-519-80987-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

	Стр.
XVII. Случай въ Клиникахъ Вилліе.	223
XVIII. Что надобно имѣть въ виду при изысканіи мѣръ къ устраненію незаконныхъ сожителствъ? Докладъ Па- стырскому собранію С.-Петербургскаго духовенства 1-го декабря 1898 года. Священникъ А. А. Дерновъ. . . .	224
XIX. Пастырское собраніе по вопросу о незаконныхъ сожи- тельствахъ и мѣрахъ для борьбы съ этимъ зломъ. . .	274
XX. О мѣрахъ для борьбы съ безнравственностью, по по- воду доклада пастырскому собранію 1-го декабря 1898 г. <i>Novicius</i>	286
Религія житнетворчества	298

Р и с у н к и:

Мать какъ снитезъ растительнаго, животнаго и солнечнаго. Со стѣны египетскаго храма	300
Начало одушевленія и окрыленности въ человѣкѣ. Со стѣны египетскаго храма.	306
Откуда и какъ родилась «religio» какъ связь земли и неба, и видимаго съ невидимымъ. Изъ стѣнной живописи большаго храма въ Дендерахъ	309
Изъ египетской домашней жизни	310
Изъ быта халдѣевъ	311

И молилась Анна въ Храмъ и говорила: «Возрадовалось сердце мое въ Господь; *вознесся рогъ мой въ Божь моемъ*; широко разверзлись уста мой на враговъ моихъ, ибо я радуюсь о спасеніи Твоемъ.

«Не умножайте рѣчей своихъ, надменные; ибо Богъ все въдаетъ, и дѣла ваши у него взвѣшены.

«Дукъ сильныхъ преломляется, а немошные преполняются силою; сытые работаютъ изъ хлѣба, а голодные отдыхаютъ; *даже безплодная рождаетъ семь разъ, а многочадная—изнемогаетъ.*

«Господь умерщвляетъ и оживляетъ, низводитъ въ преисподнюю и возвышаетъ. Изъ праха подымлетъ Онъ бѣднаго, изъ персти возвышаетъ нищаго, посаждая съ вельможами, и престолъ славы даетъ имъ въ наслѣдіе. Ибо *у Господа основаніи земли и Онъ утвердилъ на нихъ вселенную.*

«Стопы святыхъ своихъ Онъ блюдетъ, а беззаконные во тмѣ исчезаютъ; ибо не силою крѣпокъ человекъ.

«Господь сотретъ препирающихся съ Нимъ. *Онъ будетъ судить концы земли и дастъ крѣпость царю Своему и вознесетъ рогъ помазанника Своего.*

Ц а р с т в ѣ І, 2.

Съ того дня, какъ разрушенъ Храмъ — плоды земли потеряли *вкусъ и сочность.*

М и ш н а, тракт. «Сота», ІХ.

И спросилъ Давидъ посланнаго: «благополученъ ли отрокъ Авессаломъ?». Онъ отвѣтилъ: «да будетъ съ врагами господина моего царя тоже, что постигло отрока».

И смутился царь, и пошелъ въ горницу надъ воротами, и плакалъ, и когда шелъ, говорилъ такъ: «сынъ мой, Авессаломъ! сынъ мой, сынъ мой Авессаломъ! о, кто далъ-бы мнѣ умереть вмѣсто тебя, Авессаломъ, сынъ мой, сынъ мой!»

Ц а р с т в ѣ ІІ, 18.

...и говорилъ Давидъ, поспѣшая: «Боже! разрушь совѣтъ Ахитофела!..»

Ц а р с т в ѣ ІІ, 15.

Семья никогда не дѣлалась у насъ предметомъ философскаго изслѣдованія, оставаясь темой богатаго художественнаго (беллетристическаго) воспроизведенія, поэтическаго восхищенія, наконецъ—шутокъ, пародій, и чѣмъ дальше—тѣмъ больше переходя въ пищу послѣднихъ. Таково явное, en face, къ ней отношеніе. Позади, въ темномъ фонѣ, стоитъ странное къ ней недоброжелательство-ли, или недовѣріе, сомнѣніе о ея силахъ и плодѣ: женщина—это „причина грѣха человѣческаго“, вниманіе къ ней.—недоброкачественно, любовь—обольстительное и тѣмъ болѣе опасное ощущеніе, сладкій идѣ „искушенія“; дѣти, плодъ сближенія, уже съ самаго рожденія—осуждены. И только молитва *очистительная* надъ роженницею смываетъ, очищаетъ грѣхъ появленія человѣка на землѣ. При этомъ мало замѣчается слѣдующее. Въ то время, какъ наши радости „en face“ семьи самое большее если доставляютъ удовольствіе чтенія семейнымъ людямъ,—печальный и унылый на нее взглядъ изъ-за спины, будучи менѣе видимымъ, видимымъ только въ немногія минуты *начала* семьи (заключенія брака) или *окончанія* ея (разводъ), въ сущности краткимъ и вѣскимъ своимъ сужденіемъ опредѣляетъ ея судьбу, теченіе, всю нормировку. Удивляться-ли, что ноты унынія, прозвучавшія au fond явленія, въ самомъ его началѣ, отдаютъ уныніемъ потомъ и до послѣднихъ уголковъ семьи. Счастлива та семья, которая по свойствамъ мужа и жены, *по удачѣ*—ибо непогрѣшительное предвидѣніе тутъ невозможно—*ихъ взаимнаго сложенія*, вышла счастлива. Она нѣжится въ парахъ собственнаго благоуханія. Я повторяю—„собственного“: это необходимо. Но горе, если ее постигла судьба Улисса послѣ Трои,—бури, лукавство, случайности, препятствія,—живыя обстоятельства всего живого. Тогда унылый голосъ изъ-за спины выдвигается во весь ростъ. Онъ звучитъ „отходную“: люди погибли, и навсегда, люди иногда въ обѣихъ сторонахъ здоровые и нравственные (см. въ I-мъ томѣ стр. 88, 93 и слѣд., письма г. *Геннадія Ел—ва*), иногда порочныя, но только въ одной сторонѣ, при цвѣтущемъ нравственномъ здоровьѣ другой (см. стр. 133—135, поразительное письмо *Анны С—нѣ*). Объ нихъ—нѣтъ сужденія. Въ ихъ судьбу—нѣтъ вглядыванія.

Несчастные получаютъ судьбу „утопленника“ въ стихотвореніи Пушкина:

И отъ берега крутого
Оттолкнулъ его вѣсломъ...
И мертвецъ нашъ поплылъ снова
За могилой и крестомъ.

Судьба эта ужасна. И поразительнѣ всего, что само общество какъ будто стало на защиту своей темницы. Увы, поэзія и беллетристика пѣла прекрасное. Но едва случалось несчастье, какъ вся сила любви къ прекрасному обрушивалась, преобразившись въ черную ненависть, именно на тонущій-то корабль:

И отъ берега крутого
Оттолкнемъ его вѣсломъ,—
Пусть плыветъ мертвецъ тотъ снова
За могилой и крестомъ.

Позволяю себѣ маленькую передѣлку стиха Пушкина, потому что ужъ очень хорошо онъ выражаетъ положеніе вещей. Здоровые на берегу всею силою своего здоровья и всею цѣпкостью за здоровье ненавидятъ „утопленника“ семейнаго положенія, въ какомъ-то ослѣпленіи не замѣчая, что онъ входитъ и *останется* необходимою составною цифрою въ итогѣ общаго благополучія, въ картинѣ нравовъ страны. Далѣе. Въ психологію внутреннюю такихъ семей никто не вглядывался, по крайней мѣрѣ *дѣловыми образами*. Напрасно высшіе живописцы, какъ Тургеневъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“ и Толстой въ „Аннѣ Карениной“ показывали, что не все здѣсь мертво, что собственно „потонувшая“ пара состоитъ изъ мертвеца и изъ живого, котораго мертвецъ зажалъ въ объятяхъ. Сама ошибка Толстого, бросившаго несчастную Анну подъ поѣздъ, при всемъ авторскомъ сознаніи даровъ ея души, ея прямоты, честности, ума—лучше всего иллюстрируетъ странный и темный фанатизмъ общества противъ несчастныхъ семей. Даже гений впадалъ въ безумный бредъ, видя здѣсь не бѣдствіе, въ которое надо вдуматься и ему помочь, а — *зло*, которое онъ ненавидѣлъ и въ тайнѣ души именовать „безпутствомъ“. Анна, видите-ли, „чувственна“, какъ будто самъ Толстой, дитя-Толстой 72 года назадъ не явился изъ чувственнаго акта. „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“—будто бы слова эти звучатъ отъ Бога за преданность и послѣдованіе людей *Его* же заповѣданію: „вкусите всѣхъ плодовъ земныхъ, *раститесь*, множитесь; *наполните* землю“. Быт. I, т. е. „огласите ее криками радости бытія своего и согрѣйте нѣжностью и ласкою другъ къ другу“. Да, это поразительно, что два величайшія произведенія благородной литературы русской, „Евгеній Онегинъ“ и „Анна Каренина“, посвящены апоѳеозу *бесплодной* семьи, и—*мукѣ, страданью* въ семьѣ. „Мнѣ отмщеніе Азъ воздамъ“—слова, которыя я отнесъ бы къ *не-рождающимъ, безъ-плоднымъ*,—печально прозвучали у

великаго старца съ духовно-скопческой тенденціей, которая послѣ „Анны Карениной“ еще сильнѣе зазвучитъ въ „Смерти Ивана Ильича“ (чувство его отвращенія къ женѣ и дочери) и наконецъ станетъ „единымъ на потребу“ въ „Крейцеровой сонатѣ“. Любовь, какъ *любованіе*, какъ *привѣтъ* и *ласка*, *обоихъ* согрѣвающая — это грѣхъ; „тѣло и *духъ тѣлесности*—не чисты“. Тогда мы, глядя на уклоненіе даже геніевъ, даже протестующихъ относительно всего другого, съ ужасомъ догадываемся, что унылый голосъ изъ-за спины, звучащій рѣдко, но фундаментально о похоронахъ семьи, пропиталъ всѣ фибры европейскаго духа. Побѣдить эту мысль невѣроятно трудно. Проходятъ годы размышленія, пока наконецъ умъ, вертящійся какъ бѣлка въ колесѣ, хватается въ своемъ родѣ за ньютоновское яблоко. Это—соображеніе: „да съ *къмъ-же* въ концѣ концовъ *союзитъ* унылый духъ?“ Лизу Калитину онъ погубилъ, Лаврецкаго—также, Анну—тоже; но нѣтъ-ли такого, кому бы онъ *помогъ* и *обезпечилъ* въ пользованіи всѣми выгодами захваченнаго положенія? Конечно—это русская параллель Марты, подруги Грехенъ, съ которою, вы помните, прохаживается и любезничаетъ Мефистофель. Унылый духъ есть ужасный каламбуристъ и весельчакъ, и въ то время какъ поетъ панихиду Лизѣ Калитиной, онъ пьетъ за здравіе *м-ше* Лаврецкой и ея парижскихъ и петербургскихъ обожателей. Онъ ее не только не ведетъ въ монастырь, но укрѣпляетъ за ней всѣ земли Лаврецкаго, его честное имя, возможную пенсію,—дѣлаетъ ее важною дамою и записываетъ въ родословныя книги какъ „столбовую дворянку“, добродѣтельную не менѣе, чѣмъ Рахиль и Сарра. Я говорю, что догадка эта—ньютоновское яблоко. Ибо кто-же бы могъ подумать, что творецъ „Анны Карениной“ запутался въ тенетахъ „чернаго пуделя“, онъ-же Мефистофель, которому нисколько не обязательно ходить по землѣ въ красной мантильѣ и въ блестящемъ пламени, но онъ можетъ преспокойно переодѣться въ подрясникъ того бурсака, который, по Гоголю („Сорочинская ярмарка“) перелѣзалъ черезъ заборъ къ своей возлюбленной Солохѣ. Такимъ образомъ съ распутываніемъ семейныхъ узловъ, именно съ размышленіемъ, отчего въ Европѣ все такъ *трудно* въ семьѣ, около семьи, по поводу семьи,—мы входимъ въ завязъ глубочайшихъ философскихъ проблемъ. И вопросъ практическій становится религіознымъ и метафизическимъ,—который тѣмъ интереснѣе дѣлается, содержательнѣе, тѣмъ сильнѣе волнуетъ, чѣмъ зорче и долѣе мы къ нему приглядываемся...

Вернусь нѣсколько назадъ. Никогда поэзія и беллетристика, въ силу отсутствія въ нихъ анализа и документа, въ силу вмѣнательства здѣсь воображенія и обольщенія (своею темою) авторовъ, не можетъ заглушить, подавить унылаго голоса сзади, который рѣшилъ: „не помогайте“ о всемъ, о чемъ онъ-же рѣшилъ: „это—*худое* явленіе, въ *корнѣ* уже грѣховное“. Здѣсь нуженъ анализъ и документъ. Въ

настоящей книгѣ, которая стоила автору изнурительного годового труда въ одной только редакціонной своей части, и дана и собрана эта документальная, доказательная сторона вопроса о семьѣ. Къ ней, какъ къ нѣкому архиву и психологическихъ и социальныхъ свидѣтельствъ, а вмѣстѣ и какъ къ почти „Словарю“ мнѣній, теорій по вопросу о семьѣ, придется долго возвращаться всякому ея изслѣдователю.

Вѣсы въ здѣсь поднятыхъ спорахъ, нѣтъ сомнѣнія, склонятся и уже склоняются въ мою сторону¹⁾. Читатели будутъ видѣть, какъ встрѣчена была моя мысль о разводѣ первоначально. Въ „Матерьялы“ я не ввелъ только по ея обширности патетическую статью изъ „Богословск. Вѣстн.“, принадлежащую г. Л. И.: „Христіанскій бракъ“. Онъ писалъ въ 1899 г.: „съ великой грустью и болью читаю я статьи г. Розанова о бракѣ и семьѣ. Несомнѣнно, намѣренія у автора добрыя—защитить, поддержать падающую и разлагающуюся семью. Но авторъ не подозреваетъ, какую недобрую услугу оказываетъ онъ семьѣ, защищая ее такими доводами и предлагая къ исцѣленію ея такія мѣры (т. е. разводъ). Онъ не догадывается, что рубитъ послѣдній сукъ, послѣ чего несомнѣнно послѣдуетъ паденіе, отнимаетъ у семьи то послѣднее, доброе и святое, чѣмъ еще она держится въ настоящее время. Онъ средь бѣла дня сознательно грабитъ семью, безжалостно разрушаетъ ее, разбираетъ это сложное зданіе до послѣдняго камня. Не замѣчаетъ онъ, какъ своею подобною проповѣдью о бракѣ широко открываетъ двери тому ужасному произволу, о которомъ такъ краснорѣчиво самъ писалъ. Нѣтъ, не достигнуть семейнаго счастья, полагая его теоріи въ основу семьи, и не сохранить брачнаго союза, освященнаго свыше властью, до гробовой доски. Положить его принципы въ основу семьи—значить погубить семью. Если хотятъ залить землю еще большею грязью, большими стонами, большими кровавыми изъязвленіями, то пусть сдѣлаютъ это. Но проклятія изрекутъ тому человѣку всякія благородныя уста“.—Съ такимъ болѣзненнымъ напряженіемъ пишетъ авторъ, какъ бы забывая, что до „моихъ принциповъ“ мы имѣли кровавыя исторіи Скублинской, Коноваловой, и tutti quanti, заставлявшіе содрагаться всю Россію, да и цѣлый европейскій міръ; что опытъ насильственной,—насильственно-принудительной для однихъ паръ и насильственно-запрещенной для другихъ паръ,—семьи прошелъ весь свой кругъ испытанія въ десяти-вѣковой исторіи Европы,

¹⁾ Сей часть, какъ я готовлю это предисловіе, въ срокъ между отдачею рукописи въ наборъ и ея корректурой, появился (29 Іюня 1902 г.) органическій законъ о *матернатѣ* („Правила объ улучшеніи положенія незаконнорожденныхъ дѣтей“) въ $\frac{2}{3}$ выполняющій то, на чемъ я настаивалъ печатно въ 1899—1902 гг. и что было встрѣчено неслыханно-озлобленной полемикой. См. здѣсь, кромѣ частныхъ писемъ, обширные „доклады“ и разсужденія А. А. Дернова, Naviclos'a, А. Н. Курьеза и др.

всѣхъ ея народностей, и сказалъ все, что могъ, въ свое оправданіе. Это „оправданіе“—грязь; грязь и злоба; грязь и кровь. Нарывъ болящій, не вскрываемый, но сквозь оболочку котораго просачивается бурый гной, перемѣшанный съ пятнами темной, зараженной крови. Самъ авторъ, г. Л. И., въ цитированной статьѣ пишетъ, попадаясь въ сѣть, мнѣ-же разставляемую: „Однажды я читалъ чинъ исповѣди мирянъ по очень старинному требнику. Въ немъ мое вниманіе невольно остановили грѣхи противъ седьмой заповѣди, какіе совершали миряне въ то время. Здѣсь упоминался грѣхъ нарушенія супружеской вѣрности,—далѣе перечислялись такія формы этого грѣха, какія безъ толковника или книги не только понять, но и представить невозможно! Человѣкъ погружался въ такую бездну паденія; глубины которой уже нельзя и измыслить. Какъ будто бы въ это время духъ лукавый руководилъ человѣкомъ, а не самъ человѣкъ являлся творцомъ своихъ ужасныхъ и омерзительныхъ грѣховъ. Оказывается, что не только эти грѣхи возможны и мыслимы для семейныхъ людей, но и весьма часто въ дѣйствительности совершаются ими и даже, можетъ быть, они въ данномъ случаѣ не особенно много уступаютъ людямъ не женатымъ“ („Богословскій Вѣстникъ“, декабрь 1899, стр. 329). Я захопываю на этомъ мѣстѣ защелчку клѣтки и рассматриваю въ ней попавшагося богослова. *Что-же онъ исповѣдуетъ?* что „всяческая мерзость“, недопустимая, невообразимая, жила и пусть живетъ въ „Христіанскомъ бракѣ“ (заглавіе его статьи, какъ бы противопоставляющей „христіанскій бракъ“ моимъ принципамъ),—только бы развода не было и сохранилось единство квартиры и паспорта. *Откуда-же, кѣмъ-же нагнетена въ семью грязь?* Да вотъ этой самой *прощаемостью* снисходительнаго почитателя Солохи, онъ-же и Мефистофель... Но уже начинается не одна грязь, а слезы и кровь, когда чистая сторона, не въ силахъ будучи глотать грязи, и приходя въ судъ испрашивать расторгенія узъ, встрѣчаетъ „воздыхающій“ отвѣтъ: „охъ, всѣ согрѣшили! потерпи, матушка (или—батюшка); палъ Адамъ; почитай требники и чинъ исповѣди: то-ли найдешь, что у тебя; ужъ какъ-нибудь понеси крестъ, а святого таинства нарушить нельзя“. Наконецъ, чтобы анализировать, да что-же наконецъ какъ *абсолютное sine qua non* содержится въ бракѣ, котораго нашъ моралистъ никакъ не хочетъ выпустить изъ обладанія, мы ловимъ его на слѣдующихъ словахъ: „Характерно и замѣчательно въ данномъ случаѣ и слѣдующее: если надъ имѣющими вступить въ бракъ совершено таинство брака согласно со всѣми существующими на этотъ предметъ мудрыми церковными узаконеніями,—то по нашимъ законамъ бракъ считается дѣйствительнымъ и фактически совершившимся, *хотя бы брачная жизнь послѣ этого никогда не начиналась*. И не вступая въ эти (т. е. плотскія) отношенія, сочетавшіеся считаются мужемъ и женою. Исторія показываетъ

намъ не мало подобныхъ примѣровъ. Но никогда брака не бываетъ тамъ, гдѣ эти церковно-каноническія узаконенія не примѣняются. *Страсть* не образуетъ и не составляетъ брака, а вовлекаетъ только человѣка въ грѣхъ, паденіе, въ грѣховное состояніе“ (тамъ-же, стр. 310).

Конечно, авторъ фактически пишетъ истину,—но каковъ-же ея смыслъ?! Изъ словъ Спасителя: „и будутъ два въ плоть едину,—что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“, вынута главное слово „плоть“, и такимъ образомъ формула эта въ нашемъ теперешнемъ законѣ читается такъ: „и будутъ два въ..... едино,—что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ“. Но что-же.—когда плоть и супружество выгнаны, исключены,—остается?—Да остается какъ *sine qua non* гражданское отношеніе, одно-*фамилійность*, одно-*имущественность*, обще-*юридичность*! И совершенно очевидно, что мы и имѣемъ, а авторъ-богословъ защищаетъ въ богословскомъ журналѣ такъ называемый гражданскій бракъ, юридическую вещь, но только въ религиозной обработкѣ и подъ религиозною номенклатурою. Я говорю, что Мефистофель—каламбурность и когда вамъ кажется, что онъ плачетъ, онъ тутъ-то болѣе всего и смѣется:

Супружества какъ непремѣннаго отношенія въ европейскомъ бракѣ нѣтъ.

Дѣтей какъ conditio sine qua non нѣтъ-же въ немъ.

Да и ничего вообще реального въ немъ нѣтъ, кромѣ курульныхъ кресель предсѣдательствующихъ: это—*conditio sine qua non*.

Я говорю,—*анализа* не было; и настоящая книга прямо вводитъ насъ въ познаніе дѣйствительности. Это такъ сказать ревизіонная повѣрка „наличной дѣйствительности“ казначейства; и если въ немъ вмѣсто золота лежатъ недостоверныя бумажки, когда въ книгахъ вездѣ написано: „золото въ слиткахъ“, „золото въ монетахъ“, то это уже скорбь не ревизующаго.

Приведенныя цитаты писались въ 1899 году,—послѣ появленія статьи: „О непорочной семьѣ и ея главномъ условіи“. Длинно, сложно тянулась полемика, захвативъ въ отголоскахъ почти всю нашу печать. Истина такъ сильно стала входить въ сознаніе, а обвиненія, предъявленныя къ „воздыхающимъ о грѣхахъ міра“, были столь явны, убѣдительны и тягостны по смыслу своему, что началось отступленіе по всей линіи сперва консервативной печати, а наконецъ и богословской (см. II-ой томъ), и, наконецъ, истину признали іерархическіе сферы. Всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда въ составѣ цѣлой группы писателей—Д. С. Мережковского, Н. М. Минскаго, В. С. Мирялобова, В. А. Тернавцева, и я вступилъ въ покои Высокопреосвященнаго Митрополита С.-Петербургскаго Антонія, для испрошенія благословенія на открытіе Философско-религіозныхъ собраній, то во время бесѣды, затѣмъ послѣдовавшей, Владыко, касаясь разныхъ вопросовъ, между прочимъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „ну, вотъ

прось о разводѣ почти конченъ. Мы скоро вовсе устранимся отъ производства его и передадимъ веденіе дѣла свѣтскимъ судамъ; храня за собою только скрѣпленіе окончательнаго результата“.

Но было-бы напрасно думать, что этимъ вопросъ *кончается*. Нужна *чистая* семья Европѣ, а вовсе не то, чтобы она отъ церкви перешла въ компетенцію государства. Это можетъ составить интересъ отношеній между государствомъ и церковью, но это не интересъ семьи. У семьи свое дѣло, своя цѣль, свои права, отъ Бога уніа, свои задачи: *дѣти* и ихъ *воспитаніе*, *супруги* и ихъ *жизнь*. Государство, суды могутъ стать такой-же „палкой въ колесѣ“, какъ были и консисторіи. Чѣмъ собраніе чиновниковъ лучше собранія чиновъ консисторіи? Суды и судьи могутъ быть прекрасны первой четверти ХХ-го вѣка, но ничто не гарантируетъ ихъ счастья въ послѣдней четверти того-же вѣка. Да и вообще это дѣло — вѣковое, тысячелѣтнее, гдѣ „вѣянія“ минуты и поколенія ничего не гарантируютъ. Переводъ инстанціи разводящей, вшей, десять вѣковъ въ рукахъ церкви, въ руки государства, можетъ окостенѣть въ несовершенныхъ и подлежащихъ порчѣ механизмахъ послѣдняго. Опять всѣ выиграютъ, кромѣ семьи. Ять всѣ будутъ счастливы и властительны, кромѣ *ребенка*, *мужа* *жены*,—которымъ почти изъ устъ въ ухо и даны всѣ великія заповѣданія и завѣты семьи. Если эти будутъ въ проигрышѣ — все это остается проиграннымъ; и авторъ этой книги имѣетъ причины сказать. Въ этомъ отношеніи слова митрополита Антонія, сказавъ о новомъ, сказавъ даже утѣшительное, не сказали окончательнаго открыли только перспективу новыхъ будущихъ заботъ. Семья — *само-кефальное* (*само-возглавленное*, имѣющее *свою* у себя главу) явленіе; древняя, первая Богу церковь на землѣ. И что такъ славно, вне, велико, священно—не можетъ получить господъ ниже себя. Фельдмаршалъ Суворовъ да не маршируетъ подъ командой капрала. *Совету* всякаго,—государства, церкви, философа, поэта,—уши бы должны и могутъ быть раскрыты; и уваженіе семьи, „охранѣ святого таинства брака“, и должно быть конечно не юридическимъ, а нравственнымъ, и выразиться во всеобщей,—какъ личностей, такъ и учреждений,—готовности помочь, посовѣтовать, прочитать, *во всякъхъ видахъ ей послужить*, въ случаѣ крушенія—плакать; а не въ этомъ „атуканы“ на семейныхъ людей, которое ихъ поръ одно несло на ребенка, мать и отца его, на супругъ, со стороны чиновниковъ, полиціи, но болѣе всего—въ этомъ во признаться—отъ „оплакивающихъ грѣхъ міра“ людей. Этихъ „мировиковъ“ на себя, ни съ которой стороны, фельдмаршалъ семьи правъ просто не выслушивать отъ окружающихъ ее капраловъ. Читатель увидитъ въ „Матерьялахъ къ разрѣшенію вопроса“ во всѣхъ официальныхъ и неофициальныхъ, во всѣхъ юридическихъ и каноническихъ сужденіяхъ о семьѣ—отсутствуетъ самая

наличность семьи, какъ нравственной и авторитетной силы, какъ уважаемой силы. Просто — этого не приходитъ въ голову судящимъ. Объ ней толкуютъ какъ о перегоняемомъ изъ губерніи въ губернію убойномъ скотѣ, который своихъ интересовъ не имѣетъ, а въ немъ имѣютъ другіе свой интересъ. Вотъ—загнали въ консисторію; вотъ вывели оттуда — и гонятъ въ окружные суды. Что семья должна быть пассивна, молчалива, терпѣлива; что семья вовсе, какъ живого факта, нѣтъ, а есть почти только „ревизская сказка о мертвыхъ душахъ“, передаваемая изъ однихъ рукъ въ другія. безъ фактическаго перевода „душъ“ положимъ изъ Калужской въ Херсонскую губернію,—въ этомъ никакого нѣтъ сомнѣнія у разсуждающихъ. Не только сто лѣтъ секретарь духовной консисторіи выходилъ баринкомъ передъ лицо Лаврецаго и Калитиной, людей праведныхъ, людей прекрасныхъ, людей сравнительно съ нимъ святыхъ: и, высокомерно смѣривъ ихъ глазомъ, „отказывалъ“ имъ въ правѣ брака, „приказывалъ“ Лизѣ идти въ монастырь, а Лаврецкому изъ Тамбова жить вмѣстѣ съ m-me Лаврецкой изъ Парижа. „или все равно—дѣлать видъ, что они живутъ вмѣстѣ“; не только, повторяю, это было: но мучитель-господинъ считалъ себя почти оскорбленнымъ въ существованіи самымъ бытіемъ Калитиной и Лаврецаго, появленіемъ передъ собой этихъ „илотовъ“ брака, чѣмъ-то недовольныхъ, въ чѣмъ-то неустроившихся, когда онъ все устроилъ для нихъ, „приказавъ“ — какъ говорятъ о покойникахъ—„долго жить“.

Между тѣмъ, всѣ рѣшительно слова, въ Библии, въ Евангеліи, и сказаны Лаврецкому и Калитиной; все—*имъ* дано, *однимъ* имъ, безъ посредствующаго третьяго. Мужъ и жена выслушали къ себѣ и *объ* себѣ такія слова изъ устъ непосредственно Божіихъ, какихъ ни государства, ни народы, ни іерархическія учрежденія и приблизительно не слышали себѣ и о себѣ. Право, съ какою-то завистью короли и кардиналы должны-бы обходить вокругъ Ромео и Юлій: „ахъ, что *вамъ* было сказано! о, еслибъ *и намъ* подобное услышать! Но нѣтъ, слова о насъ коротенькія, неясныя, скорѣй намеки, чѣмъ слова; а о васъ все такъ полно и полноцѣнно въ *Священномъ Писаніи*. Счастливы. Завидуемъ и не завидуемъ: ибо вы какіе-то кроткіе, и сіяя счастьемъ — точно хотите его раздарить всему міру“. Такимъ образомъ совершенно поразительно, что семья, т. е. ребенокъ и родители, изъ того царственнаго положенія, столь ясно въ документахъ за ними закрѣпленнаго, перешла въ позоръ ну хоть вотъ сегошняго газетнаго сообщенія: (сохраняю и петить, и даже пропускъ „ъ“):

„20-го іюня на огородѣ по Петергофскому шоссе одна изъ работницъ, крестьянская дѣвица Анна Иванова, не вышла на работу. Иванова жаловалась на головную боль, но окружающіе не повѣрили ей, а ввиду беременности ея, послали за акушеркой. При освидѣтельствovanіи ея послѣднія нашла, что Иванова уже разрѣшилась от бремени. Когда ве-